

УДК 811.161.1

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ И РУССКИЙ ГЛАГОЛ

В.М. Марков

Аннотация

В статье обосновывается необходимость выделения особой категории субъективной оценки в системе глагола подобно тому, как это делается в отношении существительных и прилагательных. К этой категории должны быть отнесены образования с суффиксом -ива- и с суффиксом -ану-. Материалом, главным образом, послужили данные, содержащиеся в «Словаре русского языка XI – XVII веков».

1

Широко известен тот факт, что в языках существуют такие «загадочные» образования, которые не вписываются в обычные схемы установленных грамматических форм. Необычность этих образований нередко чувствуется рядовыми носителями языка и озадачивает лингвистов, которые либо их осторожно обходят, либо ограничиваются невнятными замечаниями, не проясняющими дело. К числу таких образований относятся глагольные формы на *-ануть* (двигануть, стукануть и под.). Они упоминаются в ряде работ, а между тем их грамматический статус остается неясным.

В нашей статье «О происхождении глаголов на -ануть в русском языке», опубликованной в польском журнале «*Slavica Wratislaviensia*» (Wrocław, 1969, 1), была предпринята попытка определить характер этих форм, для чего необходимо было провести более четкую границу между формами на *-нуть* и формами на *-ануть*, поскольку последние нередко рассматриваются всего лишь как эмоциональная разновидность первых. Так, в своей работе «Правильность и чистота русской речи» (Петроград, 1915) В.И. Чернышев замечает: «Уже Греч обратил внимание на то, что «в просторечии есть еще одна модификация кратного вида: *толкнул, дергонул*. Это значит: *чуть-чуть, едва толкнул, дернул*» (Чтения о русском языке, 1, 297). Такое видовое образование действительно существует и преимущественно в просторечии. Означает оно мгновенность действия, но не его слабость. Разницы по смыслу между *толкнуть* и *толкнууть*, *рубнуть* и *рубанууть* и т. п. образованиями *мы не чувствуем*» (подчеркнуто нами – В.М.) (с. 231–232).

Такое понимание дела едва ли может быть принято, тем более что указанные образования в формальном отношении достаточно резко отличаются друг от друга. Так, в кругу глаголов с суффиксальным *-ануть* отсутствуют префиксальные образования, что решительно отличает их от глаголов на *-нуть*: ср. *двинуть – задвинуть – передвинуть – подвинуть – сдвинуть – отодвинуть*, но

только – *двигануть*. Очевидно, глаголы на *-ануть* характеризуют лишь действие само по себе, безотносительно к тем пространственным представлениям, с которыми ассоциируется употребление приставок. Вторая примета, которая определяет морфологическое своеобразие этих глаголов, это постоянное ударение на суффиксе, в то время как образования на *-нуть* имеют ударение и на суффиксе, и на основе: ср. *стúкнуть*, *щéлкнуть*, *двéинуть* и *шагнúть*, *мигнúть*, *тряхнúть*, но – *стуканúть*, *щелканúть*, *двиганúть*, *шаганúть*, *миганúть*, *тряханúть*. Эта особенность глаголов на *-ануть* как-то ускользала от внимания исследователей, объединяющих образования с *-нуть* и с *-ануть*, а между тем она выразительно подчеркивает особый характер последних, свидетельствующий об очевидной самостоятельности рассматриваемого морфологического типа. Эта самостоятельность проявляется и в том, что при ряде глаголов несовершенного вида вообще невозможны образования на *-нуть*, тогда как образования на *-ануть* существуют; ср. *сигануть*, *долбануть*, *шибануть*, *ломануть* и под. (ср. нередкое *звездануть*). Все эти факты говорят об одном: глаголы на *-ануть*, при всей специфичности их употребления, составляют в современном русском языке достаточно четко ограниченную группу, характеризующуюся не только совокупностью формальных примет, но, по-видимому, и каким-то своеобразием значения, поскольку без этого своеобразия формальное обособление этих глаголов оказалось бы чем-то непонятным, немотивированным и противоречащим нормам языка.

Говоря об особенностях употребления глаголов на *-ануть* и обращаясь к вопросу о семантике этих глаголов, необходимо учитывать исключительное многообразие наблюдающихся в данном случае оттенков. Эти глаголы, как известно, могут выражать и резкое, особенно интенсивное действие и действие ослабленное, неинтенсивное. Они употребляются в просторечии и, вместе с тем, так или иначе находят отражение в языке литературы. Они служат средством выражения иронии, а иногда ассоциируются с представлением о грубости, о неуместности, о нарочитости и т. д. Как свести все это к какому-то определенному единству, пытаюсь разгадать семантическую природу глагольных образований с *-ануть*? Полагаем, что у нас при учете имеющихся данных остается лишь одна, как нам кажется, вполне удовлетворяющая возможность: рассматривать суффикс *-ануть* как субъективно-оценочный суффикс на основании показательной аналогии с именами, заключающими суффиксы субъективной оценки.

Действительно, однократность в глаголах на *-ануть* неизбежно должна пониматься как субъективно-оценочная категория в ее противопоставлении грамматической категории однократности. Только этим может объясняться тот факт, что глаголы с суффиксом *-ануть* образуются и от глаголов, обозначающих трудно членимое действие, вроде *играть* – *игрануть*, передавая, собственно, не столько однократность (ср. «ну и играем же мы», в смысле поиграем как-то особенно энергично, с азартом), сколько качественную характеристику действия, представленного как единичный недифференцированный акт. Таким образом, значение однократности в данном случае оказывается в какой-то степени аналогичным значению уменьшительности (или увеличительности), за которым, как известно, скрывается и ласкательность, и уничижительность, и пре-

зрение, и ирония, словом, целый ряд весьма трудно различимых оттенков. Показательно некоторое сходство характеристик, которые даются субъективно-оценочным прилагательным, с одной стороны, и глаголам на *-ануть* – с другой. Так, говоря о прилагательных типа *слабенький*, В.В. Виноградов в своей книге «Русский язык» (1947) замечает: «Экспрессивные оттенки, присущие этим формам, крайне разнообразны и противоречивы. Эти формы могут выражать меньшую, смягченную степень качества в субъективном освещении... Иногда, напротив, им свойственен оттенок субъективного усиления качества... Это усиление качества особенно ярко выступает в устном употреблении...» (с. 240). Ср.: «Экспрессивный суффикс *-ону-*, *-ану-*, проникший в литературный язык из народных говоров, обозначает ослабленность мгновенного действия или, чаще, резкость, грубость, напряженность такого действия» (с. 439).

Если субъективно-оценочные имена в различной степени допускают известное семантическое обособление по отношению к производящей основе, то то же явление наблюдается и в сфере рассматриваемых глаголов. Так, популярный пример *рвать* – *рвануть*, в сущности, уже не представляет того семантического соответствия, которое наблюдается, например, в параллели *стучать* – *стукануть*. Аналогия с прилагательными, о которых пишет В.В. Виноградов, бросается в глаза: «В силу многообразия экспрессивной окраски у многих форм на *-енький*, *-онький* изменяется лексическое содержание. Этот смысловой сдвиг ведет к отрыву их от исходного имени прилагательного (например: *хороший* и *хорошенький*, *малый* и *маленький* и т. п.)» (там же).

Если, далее, глагольные образования на *-ануть* иногда совмещают в себе такие значения, как ослабленность и повышенная интенсивность, то не подобное ли явление наблюдается и в сфере уменьшительных и увеличительных имен, когда образования «книжечка», «ножка» и другие в условиях определенного контекста получают значение огромной книги или ноги («вот так ножка!»); и, наоборот, такие образования, как «сынище» или «сапожище» употребляются применительно к маленькому ребенку или детскому сапожку. Иногда в глаголах на *-ануть* субъективно-оценочное значение скрадывается настолько, что является возможность для условного отождествления образований на *-нуть* и *-ануть* как глаголов, передающих однократное действие, но то же самое в интересующем нас смысле наблюдается и в образованиях типа «нож – ножик», «книга – книжка», объединенных значением конкретного предмета. Последнее, как известно, создает наиболее благоприятные условия для возникновения субъективно-оценочных образований. Для рассматриваемых глаголов таким значением является значение конкретного физического действия, и здесь, таким образом, принимаемая аналогия оказывается весьма поучительной. Остается добавить, что субъективно-оценочное значение глаголов на *-ануть* дает нам возможность говорить о семантических предпосылках формирования самостоятельного суффикса, представленного в образованиях, соотносимых, как правило, в современном русском языке с глаголами несовершенного вида и, вместе с тем, выступающих в разнохарактерных параллелях с глаголами на *-нуть*, которые послужили семантико-фонематическим основанием для их возникновения в истории языка.

2

Не касаясь развития фонематического облика суффикса *-ану-* (оно рассматривается нами в указанной выше статье), возвратимся к вопросу о специфике действия, выражаемого глаголами на *-нуть*. По этому поводу в академической «Русской грамматике» (1982) сказано следующее: «Глаголы с суффиксом *-ну-* имеют значение «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (с. 347–348). Показательно то, что в той же грамматике говорится о глаголах на *-ануть*: «Глаголы с суффиксом *-ану-* имеют значение «однократно и, как правило, интенсивно или экспрессивно, резко совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (с. 349). Как видим, характеристики буквально совпадают, отличаясь (в цитате выделено нами – В.М.) лишь указанием на интенсивность, резкость, экспрессивность, т. е. на особенности, далекие от собственно грамматических представлений. Иными словами, есть все основания говорить, отчасти повторяя сказанное выше, о производности субъективно-оценочного значения по отношению к однократности.

Наряду с суффиксом *-ану-* обращает на себя внимание и суффикс *-ива-*, выступающий в бесприставочных глаголах типа *сизживать*, *хаживать*. О них в той же «Русской грамматике» говорится: «Глаголы с суффиксом *-ива-* имеют значение «многokrратно совершать действие, названное мотивирующим глаголом» (с. 351). Параллелизм с приведенной выше формулировкой здесь очевиден (ср. однократно – многократно), что наводит на мысль о возможности отношений, в определенном смысле подобных тем, которые наблюдаются при рассмотрении глаголов на *-ануть*, хотя мы имеем здесь дело с категорией более заметной, более активно обсуждаемой в грамматических трудах.

«В современном русском языке, – пишет В.В. Виноградов в книге «Русский язык» (1947), – четыре формы прошедшего времени. Из них две принадлежат совершенному виду, одна – несовершенному и одна «многokrратному». Эти четыре формы прошедшего времени грамматически неравноправны и стилистически неравноценны. Про форму прошедшего времени «многokrратного вида», или лучше – про «давнoпрошедшее время» (например, *я сизживал*, *бирал*, *гащивал* и т. п.), прямо надо сказать, что она непродуктивна, что она в русском литературном языке постепенно угасает, вытесняемая формами прошедшего времени несовершенного вида с наречиями количества или степени... Был период, когда форма давнoпрошедшего времени ставилась грамматистами в центре всей системы прошедших времен русского глагола... Тогда-то и установился термин *д а в н о п р о ш е д ш е е в р е м я*. Его можно сохранить... Старые грамматики правильно указывали, что давнoпрошедшее время употребляется, когда говорят «о многократном действии, происходившем давнo... и притом в неопределенное время» (с. 546).

Многие замечания, заключающиеся в этой пространной цитате, нуждаются в дополнительном обсуждении. Прежде всего, не может считаться удачным сам термин «давнoпрошедшее время» ввиду нежелательной омонимии, на которую (в сноске) указывает автор. Во-вторых, общее указание на отдаленность происходящего в прошлом от настоящего ничего не объясняет, поскольку остается неясным сам принцип временного разграничения событий. В-третьих, интересующие нас формы с достаточно ранней поры в однородных контекстах

чередуются с «обыкновенными» формами на -л. Ср., например, летописный отрывок: от дѣтства бо его нѣсть кто имъ оудариль (Лавр. лет., 42 об.), но – от дѣтства никто же имъ оудариваль (Переясл.л. ет., 32). Если при глаголе оказываются пояснительные слова вроде *прежде, когда-то* и под., то их присутствие только подчеркивает недостаточную выразительность дополняемого слова. В-четвертых, весьма показательны те примеры, в которых разнохарактерные формы прошедшего времени оказываются в одной временной плоскости и, следовательно, не допускают и мысли о возможности противопоставления времен. Ср., например: И то дѣло держаль онъ... у себя, а у меня то дѣло никогда не бывало и не держиваль (Д. Иос. Колом, 89,1601)* и под. Наконец, в-пятых, нельзя забывать о том, что бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-*, хотя и представлены, по преимуществу, в формах прошедшего времени, но они, так или иначе, известны и в другом оформлении, по отношению к которому термин «давнопрошедшее время» неприменим. Ср., например: И пословъ бы еси къ намъ слаль, не мѣшкиваючи (Рим. имп. д. 1,794, 1580); Жены же учителя со смирениемъ вопрошывають (Евфр. Отразит. пис., 58, 1691); Аще будутъ въ мантии, да канчивають на мѣстѣхъ, а будутъ въ ризахъ, да канчивають, яко же и на службѣ (Вопр. Феогн., 1276) и т. д. Необходимо подчеркнуть, что все эти соображения вполне соответствуют общей тенденции новейших грамматик, уже не выделяющих, применительно к рассматриваемым формам, значение давнопрошедшего времени. Так, в академической «Грамматике русского языка» 1960 года читаем: «Формы прошедшего времени от многократных глаголов имеют значение давнопрошедшего времени» (с. 488). В «Русской грамматике» 1982 года этого уже нет.

Иное дело «многократность» – понятие, неизбежно включающееся в характеристику глаголов типа *сизживать, хаживать* и под. Однако и в данном случае обнаруживается ряд неясностей и противоречий, требующих особого обсуждения. В настоящее время принято считать, что глаголы многократного действия (т. е. именно те глаголы, которые нас интересуют) «выражают нерегулярное повторение действия в отдаленном прошлом» (Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. «Современный русский язык», 1981, с. 181). Однако многие из примеров, которые могут быть извлечены из источников XVI – XIX веков, не соответствуют этой характеристике: либо не просматривается повторяемость действий (1), либо дело касается единичного действия (2), либо сомнительна особая отдаленность, которая могла бы определить выбор формы (3), либо речь идет о приуроченности к какому-то определенному сроку (4). Примеры:

1. «Вы знали Якова Ивановича, – продолжал я. – *Знавала-с*, – проговорила она» (И. Тургенев. «Яков Пасынков»).
2. А продали есмь ту землю, что *купиваль* брать же мои (Купч. Ив. Меж. 1568).
3. «Давно ли (недавно!), думал он, этот самый Батрищев *кучивал* с нами (Л. Толстой. «Севастополь в августе 1855 года»).
4. На Святой недѣль домовыхъ людей, которые заутреню проспят, у колодезя *купывали* (Д. Иос. Колом, 1675) и т. д.

* Источники указываются по «Словарю русского языка XI – XVII вв.».

Особенно отчетливо проявляется несостоятельность имеющихся характеристик бесприставочных глаголов на *-ивать* при наличии отрицательных конструкций. Именно в них эти глаголы имеют наибольшее распространение, выступая, между прочим, в судебных списках, расспросных речах и т. д. Они были обычными в ответах допрашиваемых (или при пересказе этих ответов), которые решительно отрицали наличие действий, вменяемых им в вину. Ярким примером в данном случае может послужить следующий контекст: И суд(ь)я спросил Ортемка, и Сенки, и Нестерика...: Отвѣчайте! И Ортемко и ег(о) товарищы тако рек: За монастырем есмя, г(о)с(поди)не, въ их д(е)р(е)внях в старых не *жывали* и тог(о) лесу есмя, г(о)с(поди)не, не *розсѣкивали*, ни *прятывали*, ни *пахивали*, ни *кашивали* к монастырским д(е)р(е)вням и дворов есмя, г(о)с(поди)не, на тѣх мѣстех замонастырь не *ставливали*, ни грамот лготных есмя, г(о)с(поди)не, от игумена и от брат(ь)и не *имывали* (АСВР, 117). Аналогичных примеров в деловых документах XVI – XVII веков можно найти очень много.

По поводу употребления интересующих нас глаголов В.В. Виноградов замечает: «С отрицанием *не* форма давнопрошедшего времени выражает сильнейшее отрицание события в прошлом (т. е. *вовсе не, ни разу, никогда не*)» (с. 547). Очевидно, говоря о «сильнейшем отрицании», необходимо проявлять значительную осторожность, поскольку указанное свойство может быть отражено в разной степени, а иногда и стираться до полной утраты, особенно тогда, когда нужные нам глаголы оказываются в одном ряду с глаголами без суффикса *-ива-*. Ср., например: Дочереи ево...Ивашко постигши их *не бранивал* и о землю *не бросывал*, и *не топтал*, и за волосы *не драл* (Колл. Зинченко, 1686). Дворовую свою женку ножемъ *не рѣзывал* и мценскихъ ямщиков...дорогою батоги *не билъ*, и саблюю и съ копыи за ними...*не ганивался* (Сл. и д. П, 9, 1694) и т. д. Вместе с тем, не вызывает сомнения тот факт, что присутствие *не* действительно является обстоятельством, активизирующим употребление интересующих нас форм. Ср., например: Лед де он *возил* к себе в погреб про себя на своей лошади, а на наемной лошади *лду не важиваѣтъ* (Астрах. а., 1646 г.). И то дѣло *держалъ* онъ...у себя, а у меня то дѣло...*не держивалъ* (Д. Иос. Колом., 89, 1675). А оброк они *клали* по государеве грамоте, а сверхъ государевы грамоты оброку они *не кладывали* (Писц. д. П, 370, 1641) и т. д.

Особого внимания заслуживают формы, выступающие в составе вопросительных предложений, обычных, в частности, при описании допросов. Здесь (во всяком случае последовательно) не проявляется ни одна их тех особенностей, которая, согласно принятой точке зрения, могла бы обусловить использование глаголов с суффиксом *-ива-*. Здесь трудно говорить о «многократности», поскольку вопрос не предполагает неперемной повторяемости действия (оно может быть и единичным). Об особой «отдаленности» действия также говорить не приходится, поскольку в ряде случаев дело касается явно недавних событий. Наконец, отрицание *не* при глаголах нередко отсутствует, так что и этот, так сказать, дополнительный признак оказывается ненадежным. Примеры: И судья спросилъ Онисимка: ...от княини *бѣживалъ* ли, и тое татбу *имывал* ли? (АЮ, 49, 1547). С невѣрными женами *блуживалъ* ли еси? (Требник, 72, XVI в.). Церковное что *крадывал* ли еси? (Требник, 48, XVI в.). *Мучивалъ* ли еси кого в темни-

цы без мести (Требник, 71, XVI в.) и т. д. Присутствие *не* в некоторых случаях может быть объяснено параллелизмом отрицательных и вопросительных конструкций, объединенных наличием модальных значений. Примеры: И лиха своему гсдру *не мысливал* ли еси (Требник, 69 об. XVI в.). Разбоя на кого или татей *не важиваль* ли еси (Требник, 72, XVI в.) и т. д. Всё сказанное выше позволяет, как кажется, убедиться в том, что для образований типа *сиживал*, *крадывал*, стоя на позициях традиционной грамматики, нелегко найти определенное место в системе видо-временных отношений.

3

Сопоставление глаголов типа *стукануть*, с одной стороны, и глаголов типа *сиживать* – с другой, позволяет обнаружить ряд сходных черт, которые в своей совокупности могут подсказать решение вопроса о категориальной принадлежности этих образований. Прежде всего, имея в виду современный русский язык, необходимо отметить их просторечный характер, их принадлежность, главным образом, разговорному языку. Еще в XIX веке возможность их употребления в языке литературы была значительно шире. Тем не менее эти формы живут и теперь и являются яркой особенностью свободных стилей речи.

Как было показано выше, интересующие нас образования принято относить к «однократным» или «многократным» глаголам. Кратность действия, как известно, это важная особенность глагольной семантики, на которую могли напластовываться производные значения. Их роль в развитии языка могла быть различной. Достаточно принять во внимание, например, отношения многократного и длительного действия в процессе формирования несовершенного вида. Эти отношения могли быть осложнены дополнительной дифференциацией приставочных и бесприставочных форм ввиду их различной зависимости от производящей основы: там, где дело сводилось к выражению собственно грамматических, видовых противопоставлений, приставки сохранялись как принадлежность единой основы (семантико-фонематический коррелятив); тогда же, когда обнаруживалась тенденция к формированию новых значений и речь шла о характере самого действия как такового, бесприставочные формы занимали особое место, обретая характер самостоятельных слов. Именно так, по видимому, обстояло дело и в интересующем нас случае: бесприставочность явилась наиболее ярким признаком, объединяющим рассматриваемые группы глаголов. При этом важен не только сам факт отсутствия приставок в образованиях каждого типа, но и сходная реакция на неосознаваемые приставки в случаях ранней деэтимологизации: бывшие приставки не препятствуют образованию форм. Ср., например: Намъ тѣхъ писемъ не отдалъ и ни про что не *сказываль* же и писемъ не *казываль* (ДАИ X, 381, 1626) и обычное – *сказанул*.

Ярким свидетельством принципиального сходства бесприставочных глаголов с суффиксами *-ива-* и *-ану-* является обилие выражаемых ими значений и оттенков, порою трудно улавливаемых и спорных. О семантике глаголов на *-ануть* речь уже была. Значения глаголов с суффиксом *-ива-* наметил С.Д. Никифоров. В своей книге «Глагол...» (М.: Изд-во АН СССР, 1952) он указал, помимо значения многократного действия, значение длительного действия, значение единичного действия, сомнения, неуверенности, категоричности и

т. п. (с. 115–118). Очевидно, для обеих групп бесприставочных глаголов общей является семантическая пестрота и возможность совмещения антонимичных значений.

«Эти глаголы, – пишет С.Д. Никифоров, имея в виду образования типа *сиживать*, – употреблялись в XVI веке (да и в наше время употребляются) почти исключительно в форме единого прошедшего времени» (ук. соч., с. 115). Для глаголов на *-ануть* выход за пределы прошедшего времени в будущее наблюдается чаще, но и здесь, судя по имеющимся примерам из текстов (см. работы П.С. Сигалова [1], С.Г. Шейдаевой [2] и др.), формы прошедшего времени резко преобладают. Такое предпочтение, сближающее рассматриваемые глаголы, связано, по-видимому, с тем, что именно прошедшее время допускает взгляд на действие как на вполне определившийся процесс, субъективно характеризуемый в речи.

Последнее, что следует упомянуть, говоря о сходстве интересующих нас глаголов, – это постоянное ударение: у глаголов на *-ивать* оно постоянно падает на слог перед суффиксом; у глаголов на *-ануть* – на суффикс. Ср. *сидеть* – *сиживать*, *видеть* – *видывать*, но – *стукнуть* – *стукануть*, *толкнуть* – *толкануть*. Характерно, что, когда дело касается имен, могут наблюдаться аналогичные отношения, свидетельствующие об акцентном своеобразии субъективно-оценочных образований. Ср. *сёрый* – *сёренький*, *тíхий* – *тíхонький*, но – *седой* – *седенький*, *глухой* – *глухонький* и т. п.

Таковы важнейшие особенности, объединяющие казалось бы резко различающиеся группы глаголов. Однако их различия, связанные прежде всего с принадлежностью к разным видам, как можно думать, перекрываются рядом существенных общих черт, которые в своей совокупности могут быть отнесены к обособленной группе образований. «В современном литературном языке, – пишет В.В. Виноградов, – формы со значением многократности – *сиживал*, *говоривал* и т. п. – как бы врезаются со стороны в систему качественных различий между формами совершенного и несовершенного вида. Они оказываются за пределами живой системы видовых соотношений. Отнесение форм многократного вида к категории несовершенного вида для современного языка является явной натяжкой, несмотря на то, что исторически оно оправдывается однородностью, «омонимией» суффиксов» (ук. соч., с. 503). Ясно, что это образное высказывание, подчеркивающее обособленность бесприставочных форм на *-ивал*, в известном смысле может быть отнесено и к глаголам на *-анул*, тем более что в данном случае «омонимия» суффиксов отсутствует и речь идет о возникновении фонематически новой морфемы. Полагаем, что нет ничего такого, что препятствовало бы отнесению как форм с суффиксом *-ива-*, так и форм с суффиксом *-ану-* к категории субъективной оценки, отвечающей необходимости выразить свое отношение к действию подобно тому, как оно выражается по отношению к признаку и предмету, т. е. не только с помощью дополнительных лексических средств, но и с помощью специализированной формы.

Summary

V.M. Markov. The category of subjective estimation and the Russian verb.

The necessity of singling out a special category of subjective estimation in the system of the verb is substantiated in the article. This category is operative in respect of nouns and adjectives. The author proves that the category of subjective estimation should be applied to verbs with the suffixes -ива- and -ану-. The data from the "Dictionary of the Russian Language from the XI to XVII c." served as the source of the material for the article.

Литература

1. *Сигалов П.С.* Исследования по грамматике русского языка // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. – 1963. – Вып. IV. – С. 67.
2. *Шейдаева С.Г.* Категория субъективной оценки в русском языке. – Ижевск, 1997. – С. 217.

Поступила в редакцию
07.04.06

Марков Виталий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ.